

ЭЛИТЫ В СТРУКТУРЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

А.В. Дука

(alexander-duka@yandex.ru)

Социологический институт ФНИСЦ РАН
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Дука А.В. Элиты в структуре политических возможностей // Власть и элиты. 2023. Т. 10, №. 2. С. 24–43.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.2.2>
EDN AIVBFP

Аннотация. Рассматривается активность политико-административных элит и других акторов в условиях кризисной ситуации в открытых и закрытых политических системах. Для первых существенное значение имеет структура политических возможностей, представляющая собой систему взаимодействующих организаций, институтов и акторов, создающих условия для появления, организации и реализации требований социальных групп к изменению условий их существования. Для вторых стабилизирующую роль в поддержании системы и сохранении властных групп имеет авторитарная консолидация. Исследователи указывают на фундаментальное значение политического контекста, ключевую роль структурных характеристик политической системы и степень контроля с ее стороны над активностью населения. Существенно, насколько открыто публичное и политическое пространство для реализации индивидуальных и групповых интересов и требований. Другими словами, насколько возможно что-то сделать и чего-то достичь. Возможность что-то сделать, осуществить — важная характеристика политического пространства. Здесь существуют два аспекта проблемы. Во-первых, возможности для реализации индивидуальных амбиций. Во-вторых, возможности для социальных групп влиять на принимаемые решения, корректировать курс властных инстанций, изменить политику. Роль элит в обоих случаях кардинальна. Направленность активности элит, их предрасположенность к определенному структурированию социально-политического порядка задает структуру политических возможностей. Вместе с тем структура политических возможностей определяет бассейн рекрутирования и задает карьерные пути властных персон.

Ключевые слова: элиты, властные группы, структура политических возможностей, кризис, институты, консолидация, авторитаризм.

СТРУКТУРА ПОЛИТИЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Деятельность властных групп (элит), как и прочих политических акторов, происходит в сложной системе взаимодействий, структур, институтов. Отличие состоит в месте таких групп в этом взаимодействии. Положение зависит от имеющихся ресурсов, которые позволяют этим группам возглавить основные иерархические институты, а также от ресурсов, которые у этих групп возникают в связи с занятием главенствующих позиций. Борьба за контроль над ресурсами становится существенной в отношениях в рамках социальных порядков. Многие ученые, изучающие элиты, включают этот аспект их функционирования в определение (см., например: [Janowitz 1956: 82; Presthus 1974: 332; Дай, Зиглер 1984: 33; Гаман-Голутвина 2006: 10; Daloz, Hoffmann-Lange 2018: 461]), в условия успешного попадания в элиту [Seligman 1971: 4]. А Ева Этциони-Халеви делает его центральным [Etzioni-Halevy 1993: 94] и выстраивает свою концепцию элит в значительной степени в связи с контролируемыми ими ресурсами. Пространство взаимодействий исследователями определяется по-разному в зависимости от теоретических оснований исследования и его целей. Институционалистская традиция связывает его с социальными или институциональными порядками (см., например: [Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011: 40]). Существенно, что в стратегически релятивной концепции государства Б. Джессопа звучат схожие мотивы: «Государство — это сложный ансамбль (или, как это называют некоторые исследователи “сборка”) институтов, организаций и взаимодействий, участвующих в осуществлении политического лидерства и реализации решений, которые в принципе являются коллективно обязывающими для его политических субъектов. Эти институты, организации и взаимодействия обладают различными пространственно-временными характеристиками и горизонтами действия и мобилизуют ряд возможностей и ресурсов для достижения государственных целей» [Джессоп 2019: 53]. И здесь возникает парадокс «часть — целое» в рамках взаимоотношения государства и социального порядка, в другом ракурсе рассмотрения — отношение между государством и обществом [Джессоп 2019: 181–182, 185–189]. Мы видим, что социальный порядок и государство фактически являются социальной средой, пространством, где потенциальные и актуальные политические акторы стремятся реализовать свои потребности и достичь определенные цели. Его разнообразные элементы становятся факторами, влияющими на дей-

ствия политических акторов. В данном случае существенно, что действия акторов в политическом пространстве в основном связаны с реализацией определенных интересов и требований, продвижением тех или иных программ, проектов. В связи с этим важным видится концептуализация П. Эйзингера: «[П]еременные среды связаны друг с другом в том смысле, что они устанавливают *контекст*, в котором происходит политика. Связь этого контекста с моделями политического поведения становится очевидной, если элементы контекста воспринимаются как компоненты особой структуры политических возможностей сообщества» [Eisinger 1973: 11].

В исследовательской литературе концепт «структура политических возможностей» используется в нескольких смыслах. Наиболее часто исследователи прибегают к нему при описании условий и факторов карьерного продвижения (родоначальниками в этом направлении были Лестер Селигман и Джозеф Шлезингер), а также при анализе экзогенных факторов, способствующих успешности общественных движений (пионерами здесь являются Питер Эйзенгер и Сидней Тэрроу). Существуют и другие исследовательские направления, где данный концепт используется. Здесь же я буду исходить из теоретических построений вокруг первых двух.

Лестер Селигман, исследуя рекрутирование в элиту, обратил внимание на структурные факторы и персональные особенности претендентов на властные позиции [Seligman 1961; Seligman 1971]. Лица, стремящиеся к власти, должны обладать определенными свойствами: «Те, кто обладает ресурсами, способностями и мотивацией к политической активности, и кому не запрещено законом участие в политике, у того есть реальные возможности» [Seligman 1971: 4]. Однако условия «политического рынка» подчиняются закону спроса и предложений. Привлекательность позиции влияет на характеристики соискателя. Л. Селигман соединяет личные психологические устремления и политический контекст.

Дальнейшая концептуализация в наиболее развитом виде встречается у Джозефа Шлезингера [Schlesinger, 1966; Schlesinger 1991]. Он также отталкивается от индивидуальных мотивов. Индивид определяет цель, но она корректируется внешними факторами: «[Т]ип лидерства, который человек собирается с вероятностью реализовать, определен его амбициями. Внутри нации политические амбиции направляются структурой политических возможностей» [Schlesinger 1966: 208].

И именно поэтому «структура политических возможностей» принципиальным образом характеризует политическую и социальную систему.

Важным представляется вклад Йенса Борхерта в развитие концепции [Borchert 2003; Borchert 2009; Borchert 2011]. Он конкретизировал мотивы политиков, строящих свою карьеру: «Однако, что бы ни мотивировало профессиональных политиков, всех их объединяют три общих интереса, которые являются прямым следствием их профессиональной политической карьеры: доход, сохранение или преемственность карьеры и продвижение по службе» [Borchert 2011: 119; Borchert 2003: 7–8]. Такая редукция во многом упрощает ситуацию, но дает более четкую схему. Существенным является его основная программа: «Я бы предположил, что наиболее фундаментальными перспективами, которые следует интегрировать, являются взгляды отдельного политика и институциональный контекст» [Borchert 2003: 10]. Последний он приравнивает со структурой политических возможностей, которая состоит из шести компонентов в ранней версии [Borchert 2003: 12–14] и четырех в последней [Borchert 2011: 123] — устройство государства, структура политических институтов, структура представительства и структура политических организаций. Этот подход дает возможность рассмотреть многофакторность и многоуровневость процесса продвижения во власть.

В рамках социологии общественных движений концепт «структура политических возможностей» входит в исследовательский инструментарий с 1971 г. Было установлено, что внешний контекст, задающий возможности политической активности, названный «структурами политических возможностей», кардинально влияет на модели поведения в политическом пространстве. Данное «открытие» позволило связать эмпирически наблюдаемые действия и взаимодействия акторов в определенном территориальном сообществе в рамках единого теоретического объяснения [Eisinger 1973]. В дальнейшем Д. Макадам развил теорию в рамках модели политического процесса [McAdam 1982]. Но основная заслуга в концептуализации принадлежит Сиднею Тэрроу [Tarrow 1988]. Как отмечал М. Диани и Р. Айерман: «Концепт “структура политических возможностей”... соотносится с кластером переменных макроуровня, таких как степень открытости или закрытости политики; наличие или отсутствие союзников и групп поддержки; внутриэлитные разногласия или терпимость элиты к протесту; способность правительства к осуществлению политики, что способствует или нет развитию общественных движений» [Diani, Eyerman 1992: 6].

Как можно видеть, оба направления исследований имеют два очень важных общих элемента — активность и стремление достичь, что связано с групповыми и личными амбициями, а также властные элиты.

Активность в зависимости от уровня проявления имеет разную направленность. Однако, надо иметь в виду, что целеполагание при этом не столь однозначно: каждый актор может иметь несколько пересекающихся целей.

Таблица 1

Социально-политическая активность

Уровень активности	Направленность активности
Социетальный уровень	Институционализация требований
Групповой уровень	Доступ к принятию решений для группы / вхождение группы в бассейн рекрутирования властных элит
Индивидуальный уровень	Возможность попадания в руководство

В первом направлении рассматриваемых исследований элиты — цель претендентов, и они же создатели системы доступа и ограничений в продвижении наверх.

Во втором случае они опять же выполняют своеобразную роль призрачников. Их внутреннее качественное состояние (разобщенность, сплоченность, аморфность, структурированность) создают условия влияния на принятие решений внешними по отношению к этой группе акторами. (Здесь есть очень важная переключка с типологией элит Р. Дарендорфа, Э. Гидденса, Дж. Хигли — абстрактные элиты.) Они допускают новые идеи, организации, новых людей к процессу принятия решений (в различных формах) или преграждают им путь, сводя их возможности к нулю. И здесь, конечно, различие политические возможности «для кого» и «для чего» [Meyer, Minkoff, 2004] имеет большой смысл. В значительной степени два варианта исследований связаны с характером политического режима и политической системы. И в этом случае структура политических возможностей и как определенное явление, и как исследовательский инструментариум позволяет дать важные характеристики политической системе. В наибольшей степени различия проявляются в период кризисов.

Интегрируя обозначенные подходы в исследовании структуры политических возможностей, можно предложить, что в общем плане

структура политических возможностей представляет собой систему взаимодействующих организаций, институтов и акторов, создающих условия для появления, организации и реализации требований социальных групп к изменению условий их существования. И в этом смысле она возникает и носит динамический характер, что предполагает ее постоянное изменение во времени. Как отмечал Дж. Шлезингер: «Структура возможностей определенно не зафиксирована. Войны и изменяющиеся экономические основания имеют свои заметные воздействия на политические шансы» [Schlesinger 1966: 19]. Условия существования здесь рассматриваются как статусные, так и жизнедеятельные. Ведущую роль в этой системе играют властные элиты, стоящие на страже своего сообщества и социального порядка. Необходимо при этом сказать, что подчас у них не получается все контролировать. Их действия приобретают вынужденный, зависящий от обстоятельств характер. Именно это дает шанс другим игрокам. С социетальной точки зрения структура политических возможностей является механизмом обновления властных групп, политики и социальных порядков.

КРИЗИС И СТРУКТУРА ПОЛИТИЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Политико-институциональные сдвиги начала XXI в. создают неопределенность в функционировании и эволюции политических режимов, политических систем и возможных действиях политических акторов. Данную ситуацию можно определить как кризисную, проблематизирующую социетальные порядки, их элементы, включая политико-административную элиту. Причем растянутость во времени и пространстве событий, которые можно отнести к указанным сдвигам, делают кризис системным и всеобщим. Под кризисом здесь понимается «максимальная неопределенность существования социетальной (под)системы вследствие неадекватности прежних механизмов ее регулирования» [Дука 2022: 7]. Для населения, как правило, он оборачивается относительной или абсолютной депривацией. Пространственно-временная «размазанность» кризиса свидетельствует о возможных существенных трансформациях в политической, социальной и прочих сферах.

За политическими трансформациями часто стоят властные группы. Во всяком случае в нормативном аспекте. Влияние гражданских инициатив, «объективных» социальных и экономических процессов, случайностей и стихийных природных процессов в современном обществе

довольно большое. В этом отношении политические трансформации — результат множества факторов. Однако элиты в любом случае стремятся контролировать трансформации.

Существенно, что реакция различных акторов на кризис в разных политических системах, при разных политических режимах существенно различается.

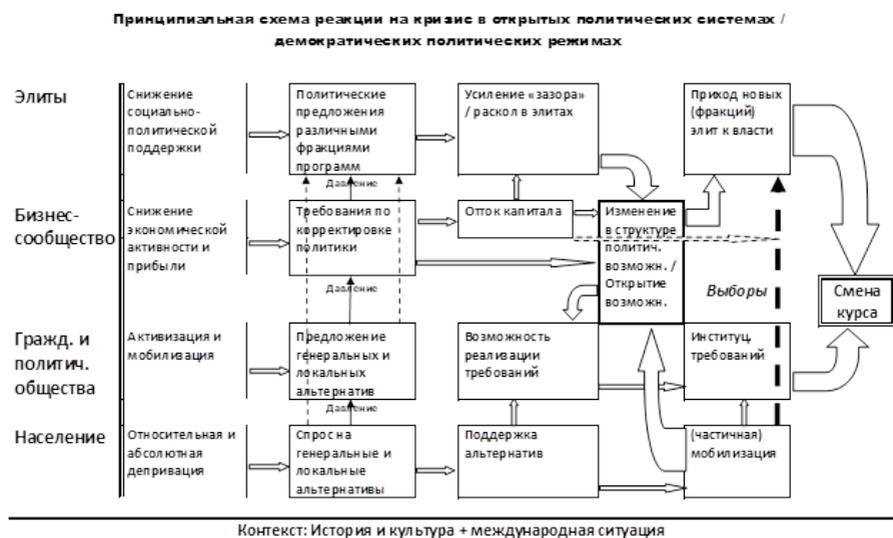

Рис. 1. Реакция политических акторов на кризис и структура политических возможностей в открытых политических системах (по: [Дука 2023: 44])

Кризис представляет собой вызов для всей системы. На рисунке 1 рассмотрены четыре уровня актуальных и потенциальных акторов или пространств реакции на кризис. Население, конечно, внутренне дифференцировано. Каждая группа, или страта, обладает собственным набором ресурсов, обеспечивающих демпфирование кризисных явлений. В низших стратах эти ресурсы минимальны. Соответственно и реакция на неблагоприятную ситуацию будет различной. И, конечно, возникающие возможности неодинаковы для разных групп.

Пространство гражданского и политического обществ включает как общественные инициативы, так и политические партии, общественные движения и лоббистские структуры. Именно они на низовом и национальном уровне предлагают как поддержку властным группам, так и альтернативу их курсу и персональному наполнению элитных позиций.

Выделение бизнес-сообщества, или, в более общем виде, собственников и менеджеров экономических структур, продиктовано значимостью их деятельности в поддержании стабильности современных обществ и потенциальной силе их коллективных действий, включая инвестиции и вывод капитала. Социальная и политическая значимость экономической сферы очевидна. Зависимость ее от кризисных явлений и порождение ею кризисов является политическим фактором. Связь бизнес-сообщества с политико-административной элитой показана многими отечественными и зарубежными исследованиями. В этом отношении финансово-экономические круги могут требовать изменения или корректировки политики, и они имеют возможность оказывать существенное давление на властные группы.

Элиты — основные игроки в системе отношений. Они принимают кардинальные решения и обладают ресурсами, позволяющими эти решения реализовать. Среди этих ресурсов есть монопольные, не разделяемые (по закону) ни с кем — административные и силовые. Они же испытывают комплексное давление со стороны других акторов и со стороны «объективных обстоятельств». Именно поэтому внутри элит возникает разномыслие и раскол по поводу выстраивания политики и входа из кризиса.

Заявление спроса на альтернативы существующему политическому курсу внутри населения носит в основном пассивный характер — готовность откликнуться, поддержать сформулированные и выдвигаемые партиями и организациями требования и предлагаемые ими персоны на выборах. Если, конечно, падение уровня жизни не носит катастрофического характера, что может привести к спонтанным акциям протеста. Но и здесь, как было показано Оскаром Льюисом, в группах с хронической бедностью вырабатывается особая «культура бедности», существенно препятствующая социальной и политической активности [Lewis 1966] (критика этой концепции см., например: [Gajdosikienė 2004]). Экспликация потребностей и интересов сводится к обеспечению жизнедеятельности на уровне не меньшем, чем до кризиса. В нормальных условиях — к улучшению условий жизни во всех аспектах.

Организации гражданского общества и политические партии выработывают предложения по выходу из кризиса и улучшению положения населения. Посредством различного рода акций они оказывают давление на бизнес-сообщество и на властные структуры. Они могут

проводить или провоцировать протестную мобилизацию. Также из их среды могут рекрутироваться активисты в контрэлиту.

Экономическое сообщество действует двояким образом: вывод активов в другие юрисдикции и выдвижение требований (большей частью непублично) к политико-административной элите и проводимой ею политике. В зависимости от степени автономности бизнес-сообщества от властных структур последние могут ресурсно обеспечивать протестные организации и партии для осуществления ими своей деятельности и выдвижения альтернативных существующей элите индивидов. Собственно, это действует в направлении усиления возможности смены курса и властных персон.

Внутри элитного сообщества разные фракции, опираясь на экспертное сообщество, вырабатывают программы по выходу из кризиса, подкрепляя (легитимируя) свои проекты требованиями народа, гражданского общества, партий, бизнеса. Но это может привести к усилению внутриэлитного раскола, что снижает совокупные политико-административные ресурсы элит и возможность использовать силу для стабилизации ситуации. Это также создает «бреши» в системе доступа во властные структуры и открывает возможности для соискателей элитных позиций.

Кризис усиливает электоральную волатильность. Это влияет на структуру политических возможностей. В отношении переизбираемых властных персон и претендентов из контрэлиты бассейн рекрутирования расширяется, но его периферия носит во многом случайный и неустойчивый характер. В условиях тотального кризиса (крушения системы) весь бассейн рекрутирования приобретает аморфный характер. Во власть стремятся и попадают «случайные» лица (как, например, в период перестройки и после). Это со стороны неэлитных акторов.

Со стороны властных групп ситуация несколько иная. Под влиянием протестной мобилизации и экономического давления элитные группы способствуют возможности реализовать требования неэлитных акторов и допускают в свою среду новых людей. Это «попустительство» посредством выборов или кооптации вхождению новичков может быть следствием как слабости и недосмотра, так и продуманной тактики. Новые члены властных групп (или новые группы) могут рассматриваться как возможные союзники тех элит, которые во внутриэлитной борьбе не имеют достаточных ресурсов для победы. Возможен также вариант необходимости обновления политики и состава элит ввиду неадекватности старой политики новым условиям.

АВТОРИТАРНАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ

В современных условиях, характеризующихся перманентным кризисом (политическим, экономическим, международным) и актуализацией шмиттовского политического разделения «друг — враг», просматриваются усилия части господствующих групп по консолидации элитных слоев. Данная тенденция в различных формах и с различной интенсивностью наблюдается во многих странах. Подчас она проявляется в острых конфликтах (например, в США). Зачастую это происходит в силу множественности агентов консолидации и их стремления реализовать именно свои интересы и на своих условиях.

Можно предположить, что в современных обществах после волн демократизации происходит если не волна, то сдвиг в сторону закрытия политических систем и расширение авторитарных тенденций. (Можно вспомнить политические циклы Артура Шлезингера.)

Наблюдается тенденция сужения структуры политических возможностей как в отношении процессов рекрутирования, так и в отношении доступа внешних групп к процессу принятия решений.

Проблема консолидации власти и властных элит в России актуализировалась в связи с неустойчивостью существующих властных групп, их внутренней конфликтности и ползучей конфедерализации («регионализации», как тогда обозначали этот тренд) Российской Федерации. В послании В.В. Путина Федеральному собранию 2003 г. эта проблема впервые была обозначена как насущная для общества, государства и элит [Путин 2003]. Во второй половине следующего года начались реформы властных институтов. В последующие несколько лет появился ряд работ, анализирующих инициированные центральной властью процессы (см., например: [Российские элиты... 2006; Условия и возможности... 2010]).

Существуют экзогенные и эндогенные факторы консолидации властных групп. К первым можно отнести международные отношения и глобализационные эффекты. Есть общие процессы — борьба за доминирование и за легитимацию институциональных порядков. Существенно, что внутри каждой политики есть сторонники разных вариантов развития и различные ориентации на центры власти. Стремление однозначно обозначить тренды развития и закрепить единственную определенность в принятии решений приводит к базовому моноцентризму властных инстанций. Другими словами, речь идет о суверенитете и суверенности, а также о ценностях, предлагаемых обществу и миру как фундаментальные.

И, безусловно, это движение несет имплементацию определенных правил, которые подчас подменяют существующие нормы — законы, соглашения, договоры, уставы. Более конкретно, эмпирически наблюдаемые конфликты и противостояния связаны с глобализацией, мировой полярностью, региональной гегемонией. Важно, что противостояния носят как международный, так и внутривосточный характер.

Существенным является влияние мировой социально-экономической эволюции. Для аналитиков и действующих политических акторов данный процесс часто рассматривается как «объективный», хотя очевидны негосударственные агенты (транснациональные корпорации, международные финансовые институты и т.п.), стремящиеся воздействовать на политический процесс, направленность развития конкретных стран. Тем не менее для политико-административных элит возникает дилемма поддержки определенных социально-экономических процессов и программ, принимающих вид эффективных — неэффективных институтов, способов организации экономики и финансов.

Пандемия COVID-19 создала особый контекст функционирования политических институтов и властных групп: требование сплочения перед общей опасностью; опасность как легитимирующее основание; угроза, создающая актуальность дихотомии «друг — враг». По характеру влияния на политический процесс пандемия стала скорее внутренним фактором. Появились авторитарные практики (чрезвычайное положение), изменяющие принципы функционирования политических систем (Дж. Агамбен).

Эндогенные факторы являются производными от складывающихся социальных, экономических и политических отношений внутри каждой страны. Безусловно, они связаны с международным, геополитическим и глобальным контекстами. Внутренние конфликты и кризисы подталкивают группы доминирования к актуализации «трех С», описанных Дж. Мейселем, — *three C's — group consciousness, coherence, and conspiracy (in the sense of common intentions)*: групповое сознание, согласованность, сговорность (в смысле общей устремленности) [Meisel 1962]. Согласованность действий возможна как в рамках авторитарного, так и демократического политического процесса.

Происходит усиление центробежных тенденций внутри властных групп. Неопределенность порождает множество сценариев выхода из этого состояния, что создает возможность для новых групп/лиц войти в пул акторов принятия (или по крайней мере влияния на принятие)

решений. Для находящихся у власти групп возникает задача сокращения предложений, носящих критический характер, и отсечь конкурентов, стремящихся во власть. Усиливается контроль над информацией (СМИ, аналитика, экспертизы). В крайнем случае вводится цензура.

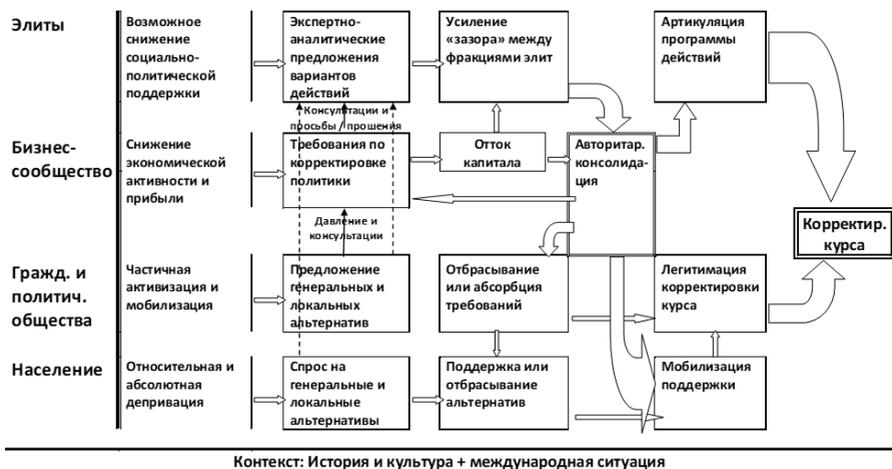
Консолидация элит означает фиксирование политико-идеологических рамок и способов действия властных акторов, ведет к сужению структуры политических возможностей и выстраиванию контроля над ней. Максимизация достигается в рамках авторитарной консолидации. При этом различного рода оппозиция (могущая быть контрэлитой) и инакомыслие изгоняются из политического процесса. Консолидация элит принципиально снижает возможности контрэлит и всяких общественных инициатив. Здесь уместно сослаться на исторические примеры. Так, по свидетельству специалистов, устойчивость монархий по сравнению с республиками оказалась большей в условиях кризисных событий на Ближнем Востоке [Кича 2021: 388, 392].

Консолидация элит институционально связана со снижением дистанции между ветвями власти. Принцип взаимного контроля и ограничения заменяется на принцип государственного/национального единства. (Сущностно они не противоречат друг другу, но в логике конфликтного противостояния становятся альтернативами.) Возможности институционального игнорирования оппонентов (примером здесь может быть поведение президента Грузии Саломе Зурабишвили) значительно снижаются.

Консолидация элит ведет к сужению структуры политических возможностей и выстраиванию контроля над ней. Максимизация достигается в рамках авторитарной консолидации. При этом различного рода оппозиция (могущая быть контрэлитой) и инакомыслие изгоняются из политического процесса.

В отличие от открытых политических систем, в условиях авторитарной консолидации давление и требования к властным инстанциям весьма ограничено. Население, минуя слабое гражданское общество, может прямо обращаться с просьбами, прошениями (в монархиях — с челобитными) в органы власти или к главе государства (правительства). Могут существовать специальные институционализированные формы обращения «наверх» — непосредственное обращение на встречах представителей власти с разными категориями населения, обращение через СМИ, прямые линии с высшим должностным лицом, письма и т.п. Политические предложения различных политических фракций

Принципиальная схема реакции на кризис в закрытых политических системах / гибридных и авторитарных политических режимах

Абсорбция требований – вариант институционализации требований, но здесь ведущий субъект деятельности – властные элиты. Они не соглашаются и не уступают, а представляют требования как свои решения.

Рис. 2. Реакция политических акторов на кризис и авторитарная консолидация в закрытых политических системах (по: [Дука 2023: 46])

минимизируются. Усиливается роль непубличных экспертов и аналитиков, связанных с доминирующими элитными группами. Бюрократически-технократические механизмы выработки программ и принятия решений становятся основными. Усиливается цензура. Латентность политики и государственного управления расширяется за счет публичной сферы и приобретает откровенный характер. При этом могут сохраняться демократические институты. Надо заметить, что обращение исследователей к концепции «глубинного государства» [Джессоп 2019: 414–415] свидетельствует о распространенности этой тенденции и в демократиях, причем безотносительно наличия кризиса.

На бизнес-сообщество возможно давление со стороны гражданского общества (прежде всего профсоюзов), но используются и различного рода консультативные инструменты. Также капитаны бизнеса во взаимодействии с властными структурами в первую очередь проводят консультации, что является мягкой формой переговоров с разъяснением взаимных позиций. Конечно, отток капитала возможен, но в условиях авторитарной системы он чреват серьезными негативными санкциями со стороны консолидированной власти.

В политической системе авторитарная консолидация, как видно, на рисунке 2, минимизирует политические возможности невластных акторов и начинает структурно и функционально играть роль интегратора и стабилизатора системы. Политико-административные элиты получают возможность контролировать публичную политическую активность значимых игроков и мобилизовывать население в свою поддержку. Консолидация элит принципиально снижает возможности контрэлит и всяких общественных инициатив. Способствующим фактором выступает обладание элитами административного и силового ресурсов. Можно утверждать, что бассейн рекрутирования элит в этих условиях сужается, карьерные возможности уменьшаются.

Вместе с тем проблемы, возникающие в кризисе, и потребности индивидов и общественных групп требуют определенной позитивной реакции. Властные группы, во-первых, стремятся перехватить инициативу, продемонстрировать свое первенство в постановке вопросов и ответов, способов решения проблем. Это происходит часто и в обычной ситуации при контроле доминирующими группами представительных и исполнительных органов, когда предложения оппозиции не принимаются, а затем такая же инициатива, но уже от имени правящего большинства предлагается на рассмотрение. В приводимой схеме это названо «абсорбцией требований». Разновидностью данной тактики является создание параллельных общественных организаций и партий, контролируемых государством (в отношении экологической проблематики в России см., например: [Цепилова 2022: 113]). Такая легитимирующая уловка обеспечивает позитивное восприятие у части публики намечаемых изменений курса. Во-вторых, властные элиты для самосохранения и выхода из кризиса идут на кооптирование во властные структуры новых персон, в том числе из рядов оппозиции. При этом авторитарное рекрутирование необязательно расширяет социальную базу власти, но создает иллюзию возможности достижения элитных позиций выходцам из неэлитных кругов. Таким образом, авторитарная консолидация выступает механизмом сохранения системы и ее частичного обновления. Более того, политические возможности для оппонентов могут быть дисфункциональными для авторитарного режима.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье намеренно описывается случай кризисного общества. Именно в этом состоянии социум демонстрирует внутренние возможности мобилизации и политико-культурные способы решения проблем. Последнее связано с историко-культурной предрасположенностью общества и элит к определенному выбору типа консолидации и соответствующего политического режима. Конечно, существуют обстоятельства, диктующие выбор осуществления политики. В этом отношении властные группы не всегда могут действовать своевольно.

Кризис порождает консолидацию. Но она может быть временной. Она создает невостребованность иных предложений, не связанных с кризисом и конфликтом. В этом отношении консолидация чрезвычайна и функционально ограничена. И соответственно имеет временные границы. Но даже при сравнительно краткосрочном кризисе его последствия для социально-политической сферы могут оказаться существенными и долговременными.

Приведенный анализ может породить представление об исчерпанности вариантов действия элит только двумя рассмотренными случаями. Предложенная полярность (демократическая политика с широкой структурой политических возможностей и авторитарная консолидация, элиминирующая возможности неэлитных акторов) схематична и абстрактна. Однако она описывает возможные рамки действий властных групп и остальных сегментов социума. Кроме этого, рассмотренные варианты оказываются устойчивыми к кризисным явлениям. Разные режимы используют релевантные им механизмы стабилизации. Для открытых систем — это структура политических возможностей, для (полу)закрытых — авторитарная консолидация.

Следует отметить, что описываемый авторитарный режим все же предполагает социальную плюральность — сохранение элементов гражданского общества и партий, относительно автономное бизнес-сообщество. Это связано с характеристиками современного общества с его диверсифицированностью экономической и социальной сферами. Вместе с тем в условиях кардинального сужения структуры политических возможностей и уменьшения публичной сферы усиливается латентность власти и ее закрытие для вхождения «чужаков». Также резко сокращаются ресурсы всех акторов. Но у элит остается два исключительных монопольных ресурса — административный и силовой, которые они активно используют.

В значительно меньшей степени схожие процессы можно наблюдать и в открытых политических системах. Войны и кризисы усиливают этот тренд.

Литература

Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН, 2006. 448 с.

Дай Т.Р., Зиглер Л.Х. Демократия для элиты: Введение в американскую политику. М.: Юрид. лит., 1984. 320 с.

Джессоп Б. Государство: прошлое, настоящее и будущее / пер. с англ. С. Моисеева; под науч. ред. Д. Карасева. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. 504 с.

Дука А.В. Политический режим и возможности протестной активности // Актуальные проблемы Европы. 2023. № 3. С. 32–54. <https://doi.org/10.31249/ape/2023.03.02>. EDN: NAOJQW.

Дука А.В. Элиты в кризисном обществе // Власть и элиты. 2022. Т. 9, № 1. С. 5–36. <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.1.1>. EDN: NHCUYD.

Кича М.В. Династии: как устроена власть в современных арабских монархиях. М.: Бомбора, 2021. 404 с.

Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки: концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011. 480 с.

Российские элиты в условиях консолидации власти: Матер. Интернет-конференции «Российские политические и экономические элиты в условиях консолидации власти», апрель-июль 2005 г. / под общ. ред. В.П. Мохова. Пермь: ПГТУ, 2006. 192 с.

Условия и возможности консолидации российского общества: сб. науч. трудов СИ РАН / отв. ред.: А.В. Дука, И.И. Елисеева. СПб.: Нестор-История, 2010. 280 с.

Цепилова О.Д. От институционализации к политизации: сравнительный анализ возникновения и развития зеленых партий Западной Европы и политического крыла зеленого движения России // Власть и элиты. 2022. Т. 9, № 2. С. 96–121. <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.4>. EDN: CGCMVH.

Borchert J. Ambition and Opportunity in Federal Systems: The Political Sociology of Political Career Patterns in Brazil, Germany, and the United States (2009). APSA 2009 Toronto Meeting Paper. URL: <https://ssrn.com/abstract=1450640> (дата обращения: 19.08.2023).

Borchert J. Individual Ambition and Institutional Opportunity: A Conceptual Approach to Political Careers in Multi-level Systems // Regional & Federal Studies. 2011. Vol. 21, no. 2. P. 117–140. <https://doi.org/10.1080/13597566.2011.529757>.

Borchert J. Professional Politicians: Towards a Comparative Perspective // The Political Class in Advanced Democracies / ed. by Jens Borchert and Jürgen Zeiss. Oxford: Oxford University Press, 2003. P.1–25.

Daloz J.-P., Hoffmann-Lange U. Elite Attributes and Resources // The Palgrave Handbook of Political Elites / Ed. by H. Best, J. Higley. London: Palgrave Macmillan, 2018. P. 461–465. https://doi.org/10.1057/978-1-137-51904-7_29.

Diani M., Eyerman R. The Study of Collective Action: Introductory remarks // Studying Collective Action /Ed. by Mario Diani and Ron Eyerman. London; Newbury Park; New Delhi: Sage Publications, 1992. P.1–21.

Eisinger P.K. The Conditions of Protest Behavior in American Cities // American Political Science Review. 1973. Vol. 67, no. 1. P.11–28.

Etzioni-Halevy E. The Elite Connection: Problems and Potential of Western Democracy. Cambridge: Polity Press, 1993. vii+239 p.

Gajdosikienė I. Oscar Lewis' Culture of Poverty: Critique and Further Development // Sociologija. Mintis ir veiksmas. 2004. No. 1. P. 88–96.

Janowitz M. Social Stratification and the Comparative Analysis of Elites // Social Forces. 1956. Vol. 35, no. 1. P.81–85.

Lewis O. The Culture of Poverty // Scientific American. 1966. Vol. 215, no. 4. P. 19–25.

Meisel J.H. The Myth of the Ruling Class: Gaetano Mosca and the “Elite”. With the first English translation of the final version of “The Ruling Class”. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1962. xi+432 pp.

Meyer D.S., Minkoff D.C. Conceptualizing Political Opportunity // Social Forces. 2004. Vol. 82, no. 4. P. 1457–1492.

Presthus R. Elites in the Policy Process. London; New York: Cambridge University Press, 1974. xiii+525 p.

Schlesinger J.A. Ambition and Politics: Political careers in the United States. Chicago: Rand McNally and Co., 1966. xv+226 p.

Schlesinger J.A. Political parties and the winning of office. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1991. viii+232 p.

Seligman L.G. Political Recruitment and Party Structure: A case study // American Political Science Review. 1961. Vol. 55, no. 1. P. 77–86.

Seligman L.G. Recruiting Political Elites. New York: General Learning Press, 1971. 22 p.

Tarrow S. National Politics and Collective Action. Recent Theory and Research in Western Europe and the USA // Annual Review of Sociology. 1988. Vol. 14. P. 421–440.

Источники

Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 16 мая 2003 года // Сайт Президента РФ. URL: <http://president.kremlin.ru/text/appears/2003/05/44623.shtml> (дата обращения: 18.05.2003).

ELITES IN THE POLITICAL OPPORTUNITY STRUCTURE

A. Duka

(alexander-duka@yandex.ru)

Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — a branch of the
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, St.-Petersburg, Russia

Citation: Duka A. Elity v strukture politicheskikh vozmozhnostey [Elites in the political opportunity structure], *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2023, 10 (2): 24–43. (In Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.2.2>.

EDN AIVBFP

Abstract. *The activity of political-administrative elites and other actors in a crisis situation in open and closed political systems is considered. For the former, the structure of political opportunities is essential, which is a system of interacting organizations, institutions and actors that create conditions for the emergence, organization and implementation of the demands of social groups to change the conditions of their existence. For the latter, authoritarian consolidation plays a stabilizing role in maintaining the system and preserving power groups. Researchers point to the fundamental importance of the political context and the key role of the structural characteristics of the political system, and the degree of control on its part over the activity of the population. It is important how open the public and political space is for the realization of individual and group interests and demands. In other words, how possible it is to do something and achieve something. The ability to do something, to implement it, is an important characteristic of the political space. There are two aspects to the problem here. Firstly, opportunities to realize individual ambitions. Secondly, opportunities for social groups to influence decisions made, correct the course of government authorities, and change policies. The role of elites in both cases is cardinal. The direction of the activity of the elites, their predisposition to a certain structuring of the socio-political order, determines the structure of political opportunities. On the other hand, the structure of political opportunities determines the pool of recruitment and sets the career paths for people in power.*

Keywords: *elites, power groups, political opportunity structure, crisis, institutions, consolidation, authoritarianism.*

References

Borchert J. Ambition and Opportunity in Federal Systems: The Political Sociology of Political Career Patterns in Brazil, Germany, and the United States (2009). *APSA 2009 Toronto Meeting Paper*. Available at: <https://ssrn.com/abstract=1450640> (accessed: 19.08.2023).

Borchert J. Individual Ambition and Institutional Opportunity: A Conceptual Approach to Political Careers in Multi-level Systems. *Regional & Federal Studies*, 2011, 21(2), pp. 117–140. <https://doi.org/10.1080/13597566.2011.529757>.

Borchert J. Professional Politicians: Towards a Comparative Perspective. In: *The Political Class in Advanced Democracies*. Ed. by Jens Borchert and Jürgen Zeiss. Oxford: Oxford University Press, 2003. P.1–25.

Daloz J.-P., Hoffmann-Lange U. Elite Attributes and Resources. In: *The Palgrave Handbook of Political Elites*. Ed. by H. Best, J. Higley. London: Palgrave Macmillan, 2018, pp. 461–465. https://doi.org/10.1057/978-1-137-51904-7_29.

Diani M., Eyerman R. The Study of Collective Action: Introductory remarks. In: *Studying Collective Action*. Ed. by Mario Diani and Ron Eyerman. London; Newbury Park; New Delhi: Sage Publications, 1992, pp. 1–21.

Duka A. Elity v krizisnom obshchestve [Elites in a crisis society]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2022, 1, pp. 5–36. <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.1.1>. EDN NHCUYD. (In Russian).

Duka A. Politicheskii rezhim i protestnyye vozmozhnosti [Political regime and opportunities for protest activity], *Aktual'nyye problemy Yevropy* [Current problems of Europe]. 2023, 3, pp. 32–54. <https://doi.org/10.31249/ape/2023.03.02>. EDN NAOJQW. (In Russian).

Dye T.R., Zeigler L.H. *Demokratiya dlya elity: Vvedeniye v amerikanskuyu politiku* [The Irony of Democracy: An Uncommon Introduction to American Politics]. Moscow: Yurid. lit., 1984. 320 p. (In Russian)

Eisinger P.K. The Conditions of Protest Behavior in American Cities. *American Political Science Review*, 1973, 67, pp. 11–28.

Etzioni-Halevy E. *The Elite Connection: Problems and Potential of Western Democracy*. Cambridge: Polity Press, 1993. vii+239 p.

Gajdosikienė I. Oscar Lewis' Culture of Poverty: Critique and Further Development. *Sociologija. Mintis ir veiksmas*, 2004, 1, pp. 88–96.

Gaman-Golutvina O. 2006. *Politicheskije elity Rossii: Vekhi istoricheskoy evolyutsii*. [Political Elites of Russia: Milestones of Historical Evolution.] Moscow: ROSSPEN. 448 p. (In Russian)

Janowitz M. Social Stratification and the Comparative Analysis of Elites. *Social Forces*, 1956, 35(1), pp. 81–85.

Jessop B. *Gosudarstvo: proshloye, nastoyashcheye i budushcheye* [The State: Past, Present, Future]. Cambridge, UK; Malden, MA: Polity, 2016. 248 p. (In Russian)

Kicha M.V. *Dinastii: kak ustroyena vlast' v sovremennykh arabskikh monarkhiyakh* [Dynasties: how power is structured in modern Arab monarchies]. Moscow: Bombora, 2021. 404 p. (In Russian)

Lewis O. The Culture of Poverty, *Scientific American*, 1966, 215 (4), pp. 19–25.

Meisel J.H. *The Myth of the Ruling Class: Gaetano Mosca and the “Elite”*. With the first English translation of the final version of “The Ruling Class”. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1962. xi+432 pp.

Meyer D.S., Minkoff D.C. Conceptualizing Political Opportunity. *Social Forces*, 2004, 82(4), pp. 1457–1492.

North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. *Nasiliye i sotsial’nyye poryadki: Kontseptual’nyye ramki traditsionnoy pis’mennoy istorii chelovechestva* [Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History]. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2011. 480 p. (In Russian)

Presthus R. *Elites in the Policy Process*. London; New York: Cambridge University Press, 1974. xiii+525 p.

Rossiyskiye elity v usloviyakh konsolidatsii vlasti [Russian elites in conditions of consolidation of power]. Ed. by V.P. Mokhov. Perm: PGU, 2006. 192 p. (In Russian)

Schlesinger J.A. *Ambition and Politics: Political careers in the United States*. Chicago: Rand McNally and Co., 1966. xv+226 p.

Schlesinger J.A. *Political parties and the winning of office*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1991. viii+232 p.

Seligman L.G. Political Recruitment and Party Structure: A case study, *American Political Science Review*, 1961, 55(1), pp. 77–86.

Seligman L.G. *Recruiting Political Elites*. New York: General Learning Press, 1971. 22 p.

Tarrow S. National Politics and Collective Action. Recent Theory and Research in Western Europe and the USA. *Annual Review of Sociology*, 1988, 14, pp. 421–440.

Tsepilova O. Ot institucionalizatsii k politizatsii: sravnitel’nyy analiz vozniknoveniya i razvitiya zelyonykh partiy Zapadnoj Evropy i politicheskogo kryla zelenogo dvizheniya Rossii [From institutionalization to politicization: a comparative analysis of the emergence and development of Green parties in Western Europe and the political wing of the Green Movement in Russia]. *Vlast’ i elity* [Power and Elites], 2022, 2, pp. 96–121. <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.4>. EDN CGCMVH. (In Russian).

Usloviya i vozmozhnosti konsolidatsii rossiyskogo obshchestva. Sbornik nauchnykh trudov SI RAN [Conditions and possibilities for the consolidation of Russian society. Collection of scientific works of SI RAS]. Ed. by A.V. Duka, I.I. Eliseeva. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2010. 280 p. (In Russian)